

Чему нас учат русские сказки

Павел Гусляр

Все русские сказки можно условно разделить на четыре уровня: **Бытовые**. Это сказки про глупого медведя и умного мужика, про барина-вора и хитрую лису... Они рассказывают о житейской мудрости и глупости. Героями в них выступают находчивый солдат, мальчик-с-пальчик, девочка, мужик, баба...

Детские. Эти сказки придуманы для запутывания маленьких детишек, чтобы они в лес не ходили, с чужими людьми не уезжали, из копытца грязную воду не пили, дверь незнакомцам не открывали. Герои этих сказок – непослушные или неосторожные дети, в лесу заблудившиеся, от дома далеко ушедшие.

Молодёжно-нравственные. Сказки для нравственного воспитания подрастающего поколения, чтобы оно работать не ленилось и старших уважало (про Золушку, про двенадцать месяцев...).

Эзотерические. Это сказки загадочные и таинственные. Чему именно они учили – сразу и не поймёшь, хотя в них и говорится: «Сказка ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок».

Этот урок мы и попытаемся понять, ибо сказки эзотерические полны тайн и загадок. И первая из них: откуда они к нам пришли?

«В тридевятом царстве, в некотором государстве...» – так начинаются русские сказки. Но на Руси всегда был один царь, да такой, что к нему близко не подъедешь. Были княжества и князья, но не царства. Может быть, сказки эти были сочинены в каком-то другом мире, где этих царств-государств было много? Если это так, то они были сочинены, скорее всего, в Индии, где всегда было много мелких царств. Тогда получается, что Индия – родина волшебных сказок? А почему бы и нет? Ведь и знаменитые «1000 и одна ночь» – арабская интерпретация именно индийских сказок. Сказки сочинял и Будда – так называемые «джатаки». Их возраст – более 2500 лет. Но это уже сказки для взрослых. Они рассказывают про перерождение душ, про скрытые силы Вселенной, про карму и тайные законы бытия.

Предположим, что на Руси индийские сказки переделали и приспособили под нашу культуру. На это родство указывает удивительная перекличка стандартных концовок русских сказок и буддистских джатак. Часто русские волшебные сказки заканчиваются словами: «и я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, да в рот не попало». В этой присказ-

ке сразу два посыла: любовь к застолью и пирам, особенно по случаю побед, но для сохранения здоровья и генофонда даётся концовка – «в рот не попало». Что-то вроде современного: «Минздрав предупреждает – чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью». Может быть, таким образом сказители кодировали русских от чрезмерного употребления алкоголя на пирах?

Сказки Будды, в которых он рассказывает о своих прежних воплощениях в этом мире: о том, как он был то слоном, то тигром, то птицей, то царём, заканчиваются похожей присказкой: «И я тем был...». Джатаки были написаны за 500 лет до Рождества Христова. Может быть, спустя сотни лет русские сказители слово «тем» заменили словом «там»? А может быть, все сказки написали древние арии, потом их модифицировал в джатаки Будда, а затем их переписали славянские жрецы?

Если волшебные сказки были написаны древними мудрецами и провидцами, то они, безусловно, хотели оставить потомкам послание о тайнах этого мира, но так, чтобы его можно было расшифровать. Чем мы сейчас и попытаемся заняться, рассмотрев для примера сказку «Царевна-лягушка».

Рис. 1

Главные сказочные герои – Иван-царевич и Кощей Бессмертный. На их борьбе за молодую царевну и строится интрига повествования. По существу в этой сказке описывается борьба между новым (Иван) и старым (Кощей) миром. Это два главных полюса повествования. Какие ключевые образы есть в этой сказке кроме них? Давайте посмотрим:

Василиса Прекрасная – молодая красавица, запертая в замке Кощея.

Смерть Кощея на кончике иглы.

Клубок ниток, который разматывается, пока идут события.

Баба-Яга, живущая на отшибе в лесу.

Остров с дубом и сундуком на нём...

Начнём расшифровку со смерти Кощая. Казалось бы, парадокс: называли его бессмертным, а он взорвал, да и помри от какой-то мелочи – от сломанной иглы в далёком море-океане.

Но как раз в этом-то парадоксе и скрыто важнейшее послание сказки – смерть не только Кощая, но и каждого человека связана с его нитью ДНК (игла – её символ, а конец этой иглы символизирует окончание человеческой жизни). Пока ДНК не сломаешь – смерть не наступит. Более того, возможно у вещественной нити ДНК есть продолжение в полевой информационной основе энергетического мира, которая уже не в клетках человека спрятана, а представляет его в центре мироздания – на мифическом острове и вселенском дереве. И вот эту полевую матрицу и «нужно беречь пуще глаза своего».

Но даже если придерживаться традиционных научных представлений, то возможно в этой сказке скрыто следующее послание: все люди бессмертны... до тех пор, пока не заканчивается их генетическая программа. Фатализм? Кстати, фатализм многие считают чуть ли не главной национальной «религией», есть он и в мусульманстве (кисмет – неотвратимость судьбы), которое исторически тесно связано с российским православием. Отсюда все эти «авось, да небось», «руssкая рулетка», «двум смертям не бывать» и т. п. Здесь же фатализм образно (биологически) представлен в виде иглы (ДНК). Смерть наступает только в тот момент, когда ломается кончик иглы – когда кончается программа нашей жизни, записанная на ДНК.

ДНК спрятана в клетке. А игла – в яйце! Так ведь и клетка, с которой стартует наша жизнь, есть яйцо и называется в биологии яйцеклеткой. Да и любое яйцо – это одна-единственная клетка, только очень большая. Современная наука не доказала ещё детерминированность генной программы, она только подбирается к этому выводу, особенно, когда анализирует жизни разлучённых в детстве близнеццов. Но может быть древние мудрецы, сочинившие эту сказку, лучше знали тайну человеческой судьбы? И если они правы, то нас никакая пуля не взъёмёт, мы все заговорённые и бессмертны, как Кощей... по крайней мере, пока не раскрутится до конца клубок ДНК...

Кстати, в этой аналогии есть и образ клубка, ведь ДНК именно в клубок смотана в клетке и разматывается по ходу жизни постепенно, по мере синтеза то одних, то других веществ, взрослеющим (а потом – и стареющим) организмом.

Теперь поговорим об острове и о дубе на нём. Клетка спрятана в сундуке, он на дереве. Мало кто сегодня знает, что Земля в Средние века представлялась сундуком (рис. 2), а Вселенная – деревом.

Да и сам остров, окружённый океаном, – ещё один символ Земли (кстати, Гомер так её и описывал). А змей, кто же такой змей, который охраняет сундук и лежит в основании дуба? Это тоже символ Вселенной – змей Уророс гностических учений. Таким образом, на острове в океане стоит дерево Вселенной, на котором висит сундук-Земля. А в основании дерева лежит змей, убив которого герой разрушает зло и освобождает «принцессу», в роли которой могут выступать самые разные символические персонажи. Убивая «первичного змея», во

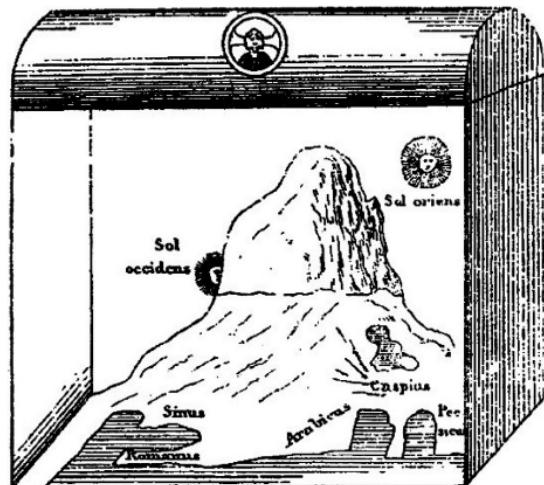

Рис. 2. В Средневековье многие считали, что Земля имеет форму ларца, сундука

многих космологических мифах первый человек разрушал кольцо тьмы и выпускал свет, после чего и начиналась история мира (рис. 3).

Рис. 3. Первый человек, который убивает змей тьмы, что приводит к рождению нашего мира, света

Но и это ещё не всё. Самой первой моделью Вселенной был образ яйца. И во многих древнейших мифах рассказывается о том, что лишь после того, как оно раскололось на две половинки, произошло начало всего (рис. 4).

Вот лишь один из распространённых в древности вариантов такого рождения Вселенной, дошедший до нас в текстах Упанишад:

«Солнце – это Брахман...

Вначале этот [мир] был несуществующим. Он стал существующим. Он стал расти. Он превратился в яйцо. Оно лежало в продолжение года. Оно раскололось. Из двух половин скорлупы яйца одна была серебряной, другая – золотой.

Серебряная [половина] – это земля, золотая – небо, внешняя оболочка – горы, внутренняя об-

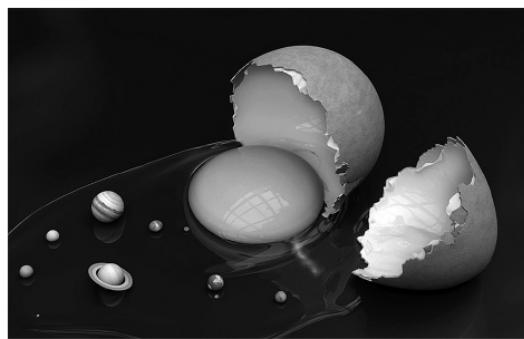

Рис. 4. Так в некоторых древних мифах люди представляли себе рождение мира

лочка – облака и туман, сосуды – реки, жидкость в зародыше – океан.

И то, что родилось, это солнце. Когда оно рождалось, поднялись возгласы, крики и [поднялись] все существа и всё желанное. Поэтому при его восходе и каждом его возвращении поднимаются возгласы, крики, и все существа, и всё желанное.

Кто, зная это, почитает солнце как Брахмана, того быстро достигнут блажие возгласы, тому они доставят радость» [1, с. 82, 83].

Кстати, есть уникальные старинные модели Вселенной, в которых собраны все эти образы вместе (рис. 5).

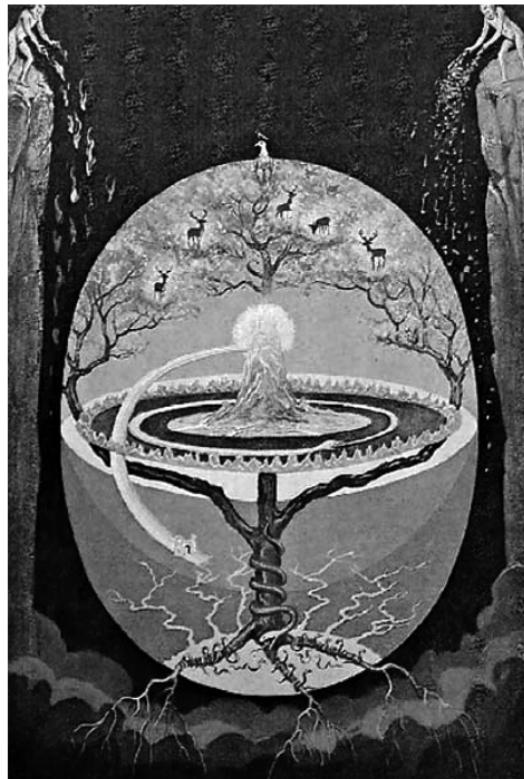

Рис. 5. Синкетическая модель Вселенной, в которой есть и яйцо, и гора Меру (остров в океане), и дерево, и змей, и многое что ещё...

Вот вам и космология в этой сказке, да какая – собрано всё! Есть там и ещё один слой информации. Перед тем, как эволюция создала человека, она прошла долгий путь через многие стадии развития: одноклеточные, рыбы в воде, деревья, млекопитающие, птицы и т. п. Часть этих этапов мы видим в нашей сказке. Дуб – дерево, ловили яйцо и в птице, и в зайце, и в воду оно падало. Получается, что почти все основные этапы эволюционных метаморфоз упомянуты в этой сцене на острове.

Теперь о битве между Иваном и Кощеем. Выскажем здесь одну новую идею – сказка эта, в целом, про победу молодого янского начала над дряхлым и старым иньским. Не победа янского над иньским вообще, это неверно, ибо иньскую силу – Василису – Иван-то и спасает, а победа нового над старым. Новое и молодое – янское. Почему? Вся история человечества показывает, что начало новой фазы эволюции всегда осуществляла янская сила. В доисторические эпохи – охотничьи племена, в эпоху сельскохозяйственных цивилизаций – кочевники.

Кого же символизируют главные герои: молодой Иван-царевич на коне и старый Кошеч в замке? Иван на коне – символ кочевой (янской), подвижной и динамичной цивилизации. Впрочем, он пришёл из города (но не из замка каменного), поэтому, скорее всего, это символ недавно осевшей, ставшей осёдлой кочевой цивилизации, которая ещё не потеряла свою подвижность и пассивную силу. Иван ушёл из родных мест в поисках царства Кощеева. А Кошеч, который чахнет над накопленным богатством в городском замке, – это символ осёдлой (иньской), да ещё и старой, поэтому утратившей силу развития, цивилизации.

Рис. 6

Прибывает молодой кочевой народ, разрушает старые города и захватывает лишь девушек, которых потом увозит с собой на конях. Сколько было уничтожено кочевниками старых городов за всю историю цивилизации? И сколько раз именно кочевые племена начинали новый цикл развития? Итак, кочевники, либо недавние кочевники (Иван-царевич) разрушают **старый** осёдлый (окостеневший Кошеч) мир, который накопил богатства, но чахнет (загнивает) под ними. И не выпускает из своих объятий молодую иньскую силу (Василису Примурскую) (рис. 6). Молодая янская сила вырывается из одряхлевшую осёдлую цивилизацию, разрушает её и вместе с молодой иньской силой начинает новый виток эволюции, строит новый замок и новый город. В этой сказке, судя по всему, раскрывается

идея борьбы двух начал в развитии человечества, и как образно и красиво всё подано!

Но разве не так развивались все оседлые цивилизации? Например, Греция? Сначала туда пришли молодые народы пеласгов из Великой Степи, потом оттуда же пришли кочевники ахейцы, потом – кочевники дорийцы. Каждое арийское нашествие кочевников разрушало старые (одряхлевшие) города и государства, давало импульс новому развитию.

А Европа? Сначала туда пришли арийские племена кельтов, затем их вытеснили германцы, недавно осевшие на её севере, но легко снявшиеся с насыщенных мест и двинувшиеся по всей Европе. Потом верховную власть захватили викинги – морские кочевники, которые тоже не очень давно пришли из арийских степей в далёкие северные края Европы. И каждое нашествие – шаг вперёд и разрушение старого «царства» с его покрытыми пылью богатствами. Активное янское начало сметало пассивное иньское в истории человечества десятки раз, везде – от Египта до Китая. И всегда кочевые подвижные молодые народы приходили на территорию оседлых цивилизаций только тогда, когда те уже превращались в «царство Кощея», когда там замирала эволюция и над всем начинали доминировать старость и власть денег.

Об этой инновационной функции кочевых племён сегодня пишут не часто (в XX веке эту тему особенно активно поднимал Л.Н.Гумилёв). Ведь летописи писались оседлыми народами, а им такие перемены явно были не по душе. Но правильно ли кочевников называть дикими варварами и приписывать им всё плохое, а земледельцам – всё только хорошее? Ведь оседлые города – Содом и Гоморра – были уничтожены Божьей силой!

А что если кочевые племена не приходили и ничего не разрушали? И одряхлевшие земледельческие цивилизации разрушались и погибали сами собой? Наиболее известный пример – Хараппская цивилизация, которая деградировала за сотни лет до того, как на эти земли пришли с севера кочевые арийские племена. А ведь площадь её была больше всех других, подобных ей в то время, и развита она была прекрасно. Были водопровод и канализация, и это за 3000 лет до того, как их провели в Париже! Много чего было, да вот состарилась, зачахла и сама по себе разрушилась.

Война между оседлыми земледельцами и кочевыми племенами началась очень давно, с момента зарождения первых цивилизаций. Ещё земледелец Каин убил настуху Авеля за то, что тот жил лучше и его скот вытаптывал посевы брата. И длилась эта война многие тысячи лет, закончившись, пожалуй, лишь в XVII веке, когда последнее нашествие маньчжурских племён привело к падению Великой китайской стены и захвату ими всего Китая.

«Значение концепции кочевых культур в традиционной исторической науке трудно переоценить. Не будет большим преувеличением сказать, что идея противостояния классических «оседлых» цивилизаций и кочевников пронизывает собой всю историю Древнего мира и захватывает часть Средневековья вплоть до конца XV века. В частности, борьба с «Дикой степью» – это едва ли не основная внешнеполитическая проблема Руси на протяжении многих столетий, вплоть до эпохи Романовых» [2].

«И кочевая, и земледельческая цивилизации имеют определённые границы выживаемости, которые в основном соответствуют природно-

климатическим зонам. Исключение составляют естественные пограничные зоны, в которых могло развиваться как земледелие, так и кочевое скотоводство. Именно эти территории были основными аренами битв кочевников и земледельцев...

Мы можем говорить о существовании в пространстве Центральной Азии двух цивилизаций – кочевой цивилизации, ограниченной естественными пределами степного ареала, и оседло-земледельческой речного пояса, тяготеющего к великим цивилизациям Востока.

Пограничной линией между двумя мирами был регион, который занимали присырдаринские города и Семиречье.

...Отношения номадов и земледельцев в описаниях большинства историков и этнографов всегда были далёкими от дружелюбного сотрудничества. Взаимные характеристики были порой весьма нелицеприятными. Арабский автор XIV века, египетский чиновник аль-Омари, составитель огромной географической и политической энциклопедии о современных ему народах Востока, не скрывал своего пренебрежения горожанина и араба-мусульманина к «диким» кочевым племенам тюрок в целом, и к кыпчакам в частности. Он писал, что кыпчаки живут в нищете, у них нет посевов, а стужа губит их скот. Это, по его мнению, «тупоумный и жалкий народ, который не знает ни веры, ни ума, ни проницательности».

Характеризуя кочевников, китайские историки не скучились на отрицательные эпитеты: «Чжунгари вообще злы, глупы, склонны к насилиям, безрасудны. Хищничество почитают способностью. Кто не ворует, того не считают человеком. Кто один ограбит несколько человек, того почитают удальцем», – отмечают они. «Казахи обыкновенно пересекают границы для грабежа, по природе своей являются хитрыми», – говорится в другом документе 20-40-х годов XIX века. В свою очередь, среднеазиатские историографы обычно употребляли следующие эпитеты: «разбойники», «хищники пустыни», «степные волки», «саранча в человеческом обезе», «демоны пустыни» [3].

Но надо сказать, что и кочевники не жаловали оседлые народы лестными оценками. Они отмечали у них другие качества, которые казались им более ужасными, чем собственные недостатки: «Точно так же кочевники отделяли себя от оседлого населения, считали свой образ жизни единственным достойным благородных людей. Подобное восприятие было присуще монголам, маньчжурам в период установления власти Юаньской и Цинской династий в Китае. Джунгары также противопоставляли кочевников оседлым народам Средней Азии и России. В середине XIX века в Ферганской области установилась власть кыпчаков, которые относились к оседлым народам как к низшим по сравнению с ними. Восприятие кочевых народов западной, китайской и мусульманской оседло-земледельческой культурами схоже. Отсюда одинаковая позиция в выработке линии поведения по отношению к ним» [3].

«...Чингисхан только в исключительных случаях ставил на высшие должности людей городской и оседлой культуры, несмотря на то, что он завоевал столько царств с более высокой культурой, как Китай и Персия. ... Чингисхан презирал оседлые народы и давал завет своим потомкам и всему монгольскому народу сохранить свой кочевой быт

и остерегаться становиться осёдлыми, завет, который до сего времени соблюдается монголами. Чингисхана в осёдлых народах отталкивали алчна приверженность к материальному богатству, высокомерие, оскорбительное обращение с низшими и униженное пресмыкание перед высшими. В их политической жизни он видел карьеризм, предательство и измену» [4, с.86].

Но вернёмся к образам из сказки. Как приходили кочевники? На конях! И, как правило, с новым видом оружия, например, железным (булатным) мечом. Иван-царевич тоже прискакал на коне и с мечом сразился с Кощеем. Одно из самых первых нашествий кочевых племён на земледельческие цивилизации – нашествие гиксосов на Древний Египет в XVIII веке до н.э. Гиксосы в переводе – повелители пастухов. И хотя египтяне восприняли их нашествие как великое бедствие, стоит отметить, что именно гиксосы подарили Египту коня и конную повозку на колёсах! Не знали мудрые и культурные египтяне, которые до этого построили пирамиды, ни колеса, ни коня. А кроме этого, гиксосы дали египетской цивилизации множество других новаций, без которых Египет просто не смог бы развиваться дальше. Итак, получается, что коня, колесо и повозку «передовому», по тем временам, Египту дали «дикие» кочевники.

У древних германцев белый конь считался священным животным. Белый (чистый) конь – символ движения (быстрее транспорта тогда у человека не было). Вот отсюда и сказка про рыцаря на белом коне (рис. 7), который спасает из замка принцессу, – аналогичная история русской сказке про Кощя!

Рис. 7. Типичный сюжет рыцарских историй в средневековой Европе несёт в себе глубокую смысловую нагрузку, но она на порядок беднее того тайного смысла, который скрыт в русской сказке «Царевна-лягушка»

Напомним, что первыми создателями мифов, в том числе и космологических, были именно кочевники. Лишь спустя столетия после того, как они приходили на новое место, оседали на нём и постепенно превращались в земледельцев, они начинали эти мифы записывать. Один из таких примеров – еврейские племена, бывшие пастухами во времена египетского «плена», но ушедшие на Синайский полуостров со своими стадами потому, что в Дельте всё вытоптали их скот.

Придя на новое место, где стоял самый первый древний город Иерихон, они разрушили это «царство кощеев» до основания. А захватив земли вдоль реки Иордан, постепенно из пастухов стали земледельцами. Только спустя столетия эту историю, а заодно и все мифы об истории человечества из устной формы перевели в письменную. Так и по-

явилась Библия, работа над которой завершилась более тысячи лет спустя, в I веке до н.э.

Получается, что сказки могут быть родом из степи, от её бескрайних и открытых Космосу пространств. Кто был в степи летней ночью, тот меня поймёт. Знаменитые гимны арийцев – Веды – начали складываться у костров кочевников Великой Степи, затем к ним добавили Веды времён прихода арийцев в Индию, а записали их тогда, когда со стороны арабского нашествия возникла угроза уничтожения жрецов, сохранивших их в памяти. Вот образец гимнов из Ригвед [5].

Тебя, рвущегося к награде (в битвах) за награды,
Мы подгоняем к награде, о стосильный,
К захвату богатств, о Индра.
(I, 4, 9)
Да поможет он нам в походе,
В богатстве, в изобилии!
Да придёт он к нам с наградами!
(I, 5, 3)

Оседлые народы уже не сочиняли устные мифы и предания, они вели письменную летопись. Большинство документов той эпохи – расписки о долгах, налогах и учёте урожая – бытовая прагматичная тема. Но документ и нужен был для этого. А кочевые народы передавали эпосы и мифы устно, расписок не писали, верили на слово. Письменность была им не нужна, её придумали и использовали народы оседлые.

Все эти факты позволяют нам предположить, что сказка про Ивана-царевича и Кощея – символическое описание победы молодого полукочевого народа над одряхлевшей оседлой цивилизацией, которая заканчивается победой молодых сил и началом нового витка исторического развития. Но при этом в сказке есть ещё множество сюжетов, в которых зашифровано так много глубинных знаний о мире, что днём даёшься.

Например, о Бабе-Яге. Почему она со своим родственником Кощеем (в разных версиях она – то ли сестра, то ли бывшая жена Кощея) поссорилась и ушла из города с его богатствами жить в избушке в лесу? Почему она часть волшебных сил забрала с собой, почему Ивану помогла? А подсказка в том, что в некоторых версиях Василиса Премудрая – дочь (или племянница) Бабы-Яги. А Кощей – её отец, который превратил её в лягушку и на болото отправил потому, что она его превзошла в мудрости и хотела изменить окостеневший мир. Как дочери (племяннице) не пособить? Да ещё молодой, умной и красивой, а тут и жених сам прискакал, помоши просит. Женская солидарность – великая сила, если она направлена против таких «кощев». Кстати, насчёт избушки в лесу. В знаменитой книге «Дао дэ цзин» написано, что городская цивилизация – зло, она несёт смерть и разрушение, нужно уйти из городов и поселиться в ветхих избушках в лесу: «В древности люди обитали в скалистых пещерах, но были тверды духом. Могущество современных людей обеспечено десятью тысячами колесниц, а дни их полны печали и скорби. Отсюда ясно, что мудрость не в управлении людьми, а в обретении дао, наслаждение не в богатстве и знатности, а в обретении гармонии» [6, с. 92]; «Мудрец, попав сюда, не чувствует волнения духа, смятения воли, и сердце его не утрачивает в трепете своей природы. Он поселяется в пустынном краю, среди

горных потоков, сокрытых глубиной чащ. Жилище в четыре стены, тростниковая крыша, завешенный рогожей вход и окно из горлынка кувшина, скрученная шелковица вместо дверной оси. Сверху капает, снизу подтекает. Сыреет северная сторона, снег и иней поропят стены, ползучие растения держат влагу. Свободный, скитаются среди широких озёр и бродит в скалистых ущельях. Всё это, по мнению заурядных людей, насилиует форму, стесняет путами, в печали и скорби не даёт обрести волю. Мудрец же, попав сюда, не тоскует и не страдает, не утрачивает основы своего наслаждения. Отчего это так? Оттого, что внутренне он проник в суть неба (природы), и поэтому ни благородство, ни худородство, ни бедность, ни богатство, ни труды, ни досуг не лишают его воли и блага» [6, с.98].

Может, только так и получается спасти свою душу и встретить Ивана-царевича, идущего к новому царству? А может быть, в этой сказке зашифрована ещё и притча о женской доле, о своей дороге каждой женщины к счастью? Изгнание на болото, превращение в уродину, освобождение, потеря любимого, плен, заточение, соблазны от богатых стариков – всё это необходимо пройти, чтобы дождаться своего царевича. Нужно так полюбить своего суженого, что он на край земли за ней пойдёт, и горы свернёт, и царство застю разрушит. Не иньская ли великая женская сила вдохновляет героев Иванов на подвиги?

В истории России сохранилось немало примеров реальных событий, близких по сути к описанным в сказке. Вот лишь один из них. Жила-была в застомном царстве Палеологов (Византии) молодая царевна – Зоя Палеолог, племянница последнего императора Византии Константина XI. Царство византийское гибло потому, что за тысячу лет своего существования оно никак не изменилось, а рядом быстро набирала силу Русь, зрела Европа, вели активную экспансию турки. Зою Палеолог послали жить в Ватикан (то ещё болото в конце XV века), дали ей новое имя – София (мудрость), там её и нашёл русский царь Иван III. Ватикан отдал Софию за Ивана с целью оказывать своей папскому влияние на Русь. Но премудрая царица не стала проводником западной политики, а помогла становлению независимой российской государственности (рис. 8).

В качестве приданого она привезла на 70 подводах легендарную «либерию» – библиотеку, известную потом как «библиотека Ивана Грозного». Она включала греческие пергаменты, латинские хронографы, древневосточные манускрипты, среди которых были неизвестные нам поэмы Гомера, сочинения Аристотеля и Платона, а также уцелевшие книги из знаменитой Александрийской библиотеки. По тем временам – самая значительная библиотека мира! По преданию, она привезла в подарок мужу и «костяной трон» (ныне известный как «tron Ивана Грозного»). Тут уж, вообще, пол шага до Кошца – он ведь как раз на костяном троне и сидел в сказке.

Именно при Софии Палеолог (видимо, с её активным участием) и произошли решительные перемены в России.

В ходе правления Ивана Васильевича произошло объединение значительной части русских земель вокруг Москвы и её превращение в центр общерусского государства. Было достигнуто окончательное освобождение страны из-под власти ордынских ханов, принят Судебник – свод законов

государства, и проведён ряд реформ, заложивших основы поместной системы землевладения.

Татищев передает свидетельство, что будто бы благодаря вмешательству Софии было сброшено Иваном III татарское иго: когда на совете великого князя обсуждалось требование ханом Ахматом дани, и многие говорили, что лучше умиротворить нечестивого дарами, чем проливать кровь, то будто бы София горько расплакалась и с упрёками уговаривала супруга покончить с данническими отношениями» [7].

Не напоминает ли вся эта история рассматриваемую нами сказку? Премудрая София из погибшей от старости и застю Византии спасается сначала в Ватикане – месте, которое вполне по тем временам можно было сравнить с болотом (недаром реформация в те же времена началась в Европе). Затем за ней присыпают послов и увозят её в Москву, за тридевять земель. Там она становится верной спутницей и советницей царя Ивана, рожает ему девятерых детей, в том числе и будущего царя Василия III. А Россия с этого периода навсегда сбрасывает иго столь же окостеневшего царства Орды и начинает новый виток развития.

Рис. 8. Мудрая и царственная Софья Палеолог – самый яркий мазок византийского следа в российской истории

Впрочем, в каждом конкретном историческом примере могут быть свои нюансы, поэтому дело не в деталях. Суть в том, что в сказке «Царевна-лягушка» гениально описана некая Матрица исторических событий – Матрица начала нового витка эволюции общества. Именно поэтому сказку эту не забывают на протяжении стольких веков.

Литература

1. Чхандогъя Упанишада // Упанишады. М.: Ладомир, 1991. Кн. 3.
2. <http://www.newchrono.ru/frame1/Publ/kochev.htm>
3. Бисенбаев Альмбек. Другая Центральная Азия. Гл. V.
4. Хаара-даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие // Альманах «Арабески истории». Вып. 2 «Пустыня Тартари». М.: ДИ-ДИК, 1995. С. 36–274.
5. Ригведа. Мандалы I–IV. М.: Наука, 1999.
6. Дао Дэ Цзин. Книга пути и благодати. М.: ЭКСМО, 2004.
7. Материал из Википедии (ст. «Иван III Васильевич»).